

збирають, і фарбують, поклавши разом з нерозкритими мушлями морських устриць, і потім з дивною майстерністю виробляють одяг пурпурового кольору.

Земля на цих островах відрізняється від інших видів земель своїми незвичайними якостями і тому породжує незвичайних тварин. Взагалі, весь спосіб життя у тубільців підкоряється певному давно усталеному порядку: не всі споживають їжу в один і той же час і однакову – в певні дні їдять лише рибу, або птахів, або м'ясо земних тварин, а в інші дні – лише оливки чи інші дуже прості страви. В праці одне одному допомагають і коли одні ловлять рибу, інші займаються рукою чи якимось іншим способом на користь громади працюють. Дехто з громадян в усталений період часу обирається для виконання обов'язків суспільного управління і в свята всі, окрім надто старих людей, читають молитви своїм богам, або піснями їм хвалу висловлюють, і перш за все – Сонцю, якому вони заради свого блага і блага всього острова приносять священні обітниці. Померлих вони під час відпливу закопують у морський пісок, покладаючи їх так, щоб приплив наніс [на таку могилу] ще більше піску.

Розповідають, що ті тростини, з яких вони хліб виготовляють, товщиною нагадують вінок і при повному місяці стають товщими, а при його ущербі – тоншими. Вода теплих джерел солодка і цілюща, вона завжди залишається теплою і не охолоджується, хіба що додати до неї холодних води чи вина.

60. Ямбул зі своїм товаришем, проживши там сім років, нарешті, попри своє бажання, як лиходії та люди морально зіпсовані, були вигнані звідти. Отож спорядивши невеличке судно і захопивши якийсь запас їжі, вони попливли геть. Через чотири місяці морські хвилі викинули їх корабель на мілини та піски поблизу узбережжя Індії, при цьому хвилі поглинули товариша, а Ямбула викинули на берег поблизу житла, звідки вже місцеві жителі доправили його за кілька днів подорожі до столиці і до тамтешнього царя Паліботри, який, полюбляючи греків і розповіді про все незвичайне, повівся з Ямбулом дуже милостиво. А наш мандрівник, отримавши від царя дозвіл на від'їзд, дістався спершу Персії, а вже потім без перешкод повернувся до Греції.

Все це Ямбул докладно описав, додавши багато невідомих до того свідчень про Індію.

Джерела та література:

1. Diodori Bibliotheca Historica / Ed. Ludwig Duebner. – Leipzig : Teubner, 1866. – Vol. I. – P. 219-226.
2. Kroll Wilhelm. Iambulus / Wilhelm Kroll // RE Pauly-Wissowa-Kroll. – Stuttgart, 1916. – Bd. 9. – Kol. 681-683.
3. Schwarz F. F. The Itinerary of Iambulus: Utopianism and History / F. F. Schwarz. // Ideology and Laws: Studies in Honor of J.D.M. Derrett. – Wiesbaden : Steiner, 1983. – P. 18-55.
4. Диодора Сицилийского «Историческая библиотека» переведена с греческого Иваном Алексеевым : Ч. I / Диодор. – СПб. : Изд-во Имп. АН, 1771.
5. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Диодор; пер, стат. и комм.: В. М. Строецкого, О. П. Цыбенко и др. – СПб. : Алетейя, 2005. – 755 с.
6. Панченко Д. В. Ямбул и Кампанелла. (О некоторых механизмах утопического творчества) / Д. В. Панченко // Античное наследие в культуре Возрождения : сб. ст. – М. : Наука, 1984. – С. 98-110.
7. Строецкий В. М. Диодор Сицилийский и его «Историческая библиотека» в оценке историографии / В. М. Строецкий // Вестник древней истории. – М., 1983. – № 4. – С. 177-179.
8. Трофимова М. К. Утопия Ямбула / М. К. Трофимова // История социалистических идей : сб. ст. – М. : Наука, 1986. – С. 266-281.
9. Чернышов Ю. Г. Социально-утопические идеи и миф о «золотом веке» в Древнем Риме / Ю. Г. Чернышов. – Новосибирск : Изд-во Новосибирск. ун-та, 1994. – Ч. 1. – 176 с.; Ч. 2. – 167 с.

Гавришева Г.П., Науменко Н.П.

УДК 821.133.1–32

ЖИВОПИСЬ В ТВОРЧЕСТВЕ БРАТЬЕВ ГОНКУРОВ

Тематика настоящей статьи соответствует основному направлению научных исследований кафедры романской и классической филологии Таврического национального университета им. В.И.Вернадского (плановая тема: Лингвистические и литературоведческие интерпретации французских, испанских и латинских текстов).

Объектом данного исследования является литературное творчество братьев Гонкуров как явление многоплановое, отличающееся стилистическим своеобразием и оригинальностью, вызывающее неоднозначные оценки литературных критиков и исследователей. Это свидетельствует об актуальности и научной целесообразности интерпретации и анализа произведений, как и эстетических принципов художественного творчества братьев Гонкуров в целом.

Предмет исследования – живопись в творчестве Гонкуров. В связи с этим – задачей настоящей статьи является анализ роли и места живописи в прозе братьев Гонкуров раннего творчества.

Общеизвестно, что Гонкуры играли заметную роль в литературной и художественной жизни Франции второй половины XIX века. Они занимали особое положение в литературном процессе своего времени, находясь в самой гуще литературно-эстетической борьбы, будучи связанными с выдающимися деятелями литературы и искусства. Вместе с Флобером сражались они за утверждение реалистического искусства и

были основоположниками целой школы романистов натуралистического направления, вождем которой стал Золя [1, 4].

Значение Гонкуров заключается не только в создании целого ряда натуралистических романов, отличающихся фатализмом и анализом мельчайших подробностей человеческого существования. Их справедливо считают, в то же время, пионерами импрессионизма во французской прозе. Исследователи отмечают особую виртуозность и живописность их языка, стремление найти точное словесное определение – «le mot qui peint» («слово, которое живописует») [2, с. 186], – своеобразную языковую краску при отборе лексики художественного произведения. Проникнутые насквозь жизнью века, его социальными и эстетическими веяниями, связанные со своим временем и обществом, братья Гонкуры внесли эту «modérnité» в свои произведения, сделались историографами своего поколения.

Современники Гонкуров, начиная с Ш.Сент-Бева, как и их последующие биографы, отмечают, что Эдмон и Жюль, неразлучные с детства, преданные всегда одним и тем же занятиям, имевшие во всем и ко всему одинаковые вкусы и наклонности, придумали себе имя – «Juledmond». В их знаменитом «Дневнике» – нет «Я», только – «Мы». Действительно, они везде появляются вместе, живут вместе, одеваются у одного портного, причесываются у одного парикмахера, едят одинаковые блюда. Они пребывают в одинаковом настроении, испытывают пристрастие или отвращение к одним и тем же вещам, смеются одним и тем же шуткам.

Но главное проявляется гораздо глубже, на уровне психологии творчества: они высказывают одинаковые суждения, их убеждения совпадают, у них одинаковые художественные вкусы и пристрастия, как и неприятие чего-либо. По единодушному мнению исследователей, братья Гонкуры представляют единственный в своем роде пример идеального сотрудничества [3, с. 34-35]. В их произведениях исчезает индивидуальность каждого из авторов, но зато дружная работа двух крупных, одинаково настроенных талантов придает всему, что ими написано, интенсивность замысла и яркость стиля, доступную немногим из писателей-художников того времени [4, с. 416].

Природные артистические наклонности побудили Гонкуров заняться сначала живописью. Оба они увлекались этим искусством. Сохранилось значительное количество рисунков, офортов, гравюр, выполненных Жюлем и Эдмоном. В своей книге «Дом художника» («La maison d'un artiste», 1884), написанной уже после смерти Жюля, Эдмон Гонкур говорит о том, что любовь к искусству не покидала его на протяжении всей жизни: «Если бы я не стал литератором, если бы я не был материально обеспечен, то профессия, которую бы я выбрал, это было бы – оформитель интерьеров для богатых людей» («Si je n'étais pas littérateur, si je n'avais pas mon pain sur la planche, la profession que j'aurais choisie, ça aurait été d'être un inventeur d'intérieurs pour gens riches») [5, с. 43].

Критики отмечают, что хотя Гонкуры не достигли многого на поприще живописи, но все-таки долголетние занятия технической стороны искусства и постоянное изучение его произведений наложили отпечаток на всю их дальнейшую деятельность. Обладая материальным достатком, Гонкуры сделали собирателями художественных произведений и редкостей, превратив свой дом в музей и внесли во французскую литературу то, что один из их современников назвал «le gout du bibelot» – «вкус к изящным вещичкам». Об этом, в частности, речь идет в статье З.А.Венгеровой: «Живя постоянно среди художественных реликвий умерших эпох, Гонкуры воспитали в себе особую остроту зрения, умение понять до мельчайших подробностей внутренний мир отдельного человека или целого общества известной эпохи по внешним знакам их жизни [2, с. 185].

Имея столь серьезную художественную подготовку, Гонкуры дебютировали в литературе этюдами бытовой и художественной жизни XVIII века, прежде чем стали авторами своих многочисленных романов. В период между 1856-1862 г.г. появляются их этюды, которые являются одновременно и искусствоведческими работами, и художественными произведениями: «Интимные портреты XVIII века» («Portraits intimes du XVIII siècle»), «История Марии-Антуанетты» («Histoire de Marie-Antoinette»), «Любовницы Людовика XV» («Les Maitresses de Louis XV»), «Искусство XVIII века» («L'art du XVIII siècle»).

В названных этюдах Гонкуры, прежде всего, тонкие знатоки искусства, не выводящие философских заключений из живописи Ватто и Буше, обсуждающие их с технической точки зрения рисунка, красок, тона и т.д. Из массы накопленных ими мелких обособленных фактов они с искусством воссоздают живую картину жизни XVIII века с ее небрежной грацией и таящимся в глубине холодным скептицизмом. В этих исторических книгах Гонкуров выражается уже вся сущность их литературного дарования: они – художники-бытописатели, тонко схватывающие артистически передающие внешнюю сторону жизни, привычки и вкусы людей, все капризные оттенки этих вкусов, но не вносящие ничего нового в объяснение движений человеческой души» [2, с. 185].

Выше отмечалось, что братья Гонкуры справедливо считаются основоположниками натуралистической школы, зачинателями импрессионизма во французской художественной прозе. Их современник Бодлер придумал слово и идею современности – modérnité. Гонкуры были действительно modérnes, и современность произведения «L'art du XVIII siècle», несмотря на его историчность, проявилась в том, что оно показалось слишком оригинальным, не традиционным, и вызвало дискуссию, Восхищаясь искусством Фрагонара и Ватто, Гонкуры полемизируют с высказываниями Дидро о художниках рококо. Гонкуры отрицают принцип идейного искусства, творящего суд над жизнью, но защищают право художника служить своему эстетическому идеалу. Не соглашались они также и с эстетическими принципами д'Аламбера, в частности со следующим его высказыванием: «Горе произведениям искусства, которые прекрасны только для художника» [6, с. 115].

Эстетические суждения Гонкуров не всеми были приняты. По этому поводу появляется следующая запись в «Дневнике»: «Какой трудный путь, всегда против течения... Не каждый день являются на свет двое людей, способных написать историю целой школы, людей, серьезно изучивших живопись... И вот, для книги, родившейся из этого сотрудничества, для «Искусства XVIII века» не нашлось, за исключением статьи Банвиля, - ничего, кроме вялых одобрений...» [7, с. 612].

Труд «Искусство XVIII века» («L'art du XVIII siècle») имел огромное значение для формирования эстетических принципов братьев Гонкуров в их дальнейшем литературном творчестве. Благодаря этой книге они включились в борьбу, развернувшуюся во Франции в 50-60-гг. в области живописи, - борьбу между реалистическими тенденциями и эпическим классицизмом. В 1874 г. вышло второе, пересмотренное и дополненное издание этой книги Гонкуров [8, с. 657]. Гонкуры выступают здесь уже как мастера «артистического письма» - той своеобразной стилистической манеры, которая отличает их как писателей.

Краеугольный камень эстетики натурализма и импрессионизма сформулирован в их «Дневнике» в следующем афоризме: « Искусство – это увековечивание в высшей, абсолютной, окончательной форме какого-либо момента, какой-то мимолетной человеческой особенности» [9, с. 539]. Гонкуры-импрессионисты оставались верными объективной реальности, но у них объективное сливается с субъективным. Гонкуры видели мир через свой «бинокль... сквозь увеличительные стекла, какими еще никто не пользовался». Этот бинокль изобрели писатели [7, с. 183].

Гонкуры размышляют об искусстве, о своей безраздельной преданности ему в «Дневнике». Вся их жизнь была полностью посвящена «книгам, рисункам, гравюрам, ничего другого для них не существовало». В очерках о художниках XVIII века, достаточно ясно определив свои эстетические установки, они выдвигают и свой принцип «мгновенных зарисовок», который они воспринимают у мастеров рококо. Все эти художники, говорят Гонкуры, схватывают едва уловимые текущие моменты жизни в изменчивости и неповторимости их движения. «Он ловит движение, он отмечает ритм тела», - пишут они о Фрагонаре. Кстати, Фрагонар был одним из любимейших художников Жюль Гонкура, с картин которого он часто делал копии и этюды.

Мгновенные восприятия, зафиксированные в искусстве, - вот высший принцип эстетики Гонкуров, отмечает З.М.Потапова. Главное достоинство картины - не столько содержание, сколько зрительное впечатление, которое она производит. Сюжет картины – только предлог для проявления колористических способностей художника, высшим мастерством которого Гонкуры считают умение передать световой оттенок, нюанс цвета, пластику жеста [6, с. 116]. В такой интерпретации живописи XVIII века можно усмотреть сближение ее с принципами эстетики импрессионизма. Отношение Гонкуров к живописи проецируется и на литературу: искусство в их представлении не столько отражает действительность, сколько личностные переживания и ощущения автора или героя.

В последние годы жизни Эдмон Гонкур создал несколько книг по вопросам искусства, из которых наиболее известны две монографии о великих японских художниках - «Утамаро» («Outamaro, le peintre des maisons vertes», 1891) и «Хокусаи» («Hokusai», 1896). В значительной мере благодаря этим книгам японское искусство вошло в европейскую культуру на рубеже XIX – XX вв. Известно, например, что именно этих двух художников высоко ценил и коллекционировал альбомы с их рисунками в начале XX века французский художник-импрессионист Клод Моне. Тем не менее, в «Дневнике» появились записи Эдмона Гонкура о том, что его исследования по японскому искусству навлекли на него неприязнь многих лиц, а также обвинения в антипатриотизме [7, с. 612].

Э. Гонкур написал также несколько монографий о знаменитых актрисах XVIII века: Гимар, Клерон, Сен-Юберти. Эти работы фактически являются сборниками документов. Известен интерес братьев Гонкуров к зрелищному искусству и театру. Они написали пьесы для театра; были осуществлены постановки по их романам, в которых роли исполняли известные актрисы – Сара Бернар, Рашель, Режан.

Выше упоминалась книга Эдмона Гонкура «Дом художника» («La maison d'un artiste», 1884). Свой дом он превратил в настоящий музей антиквариата, гобеленов, рисунков, эстампов, изящных вещей. Этот знаменитый загородный дом Гонкуров находился в одном из живописнейших пригородов Парижа – Оте, где часто любили бывать художники импрессионисты.

Эдмон Гонкур устроил в этом доме настоящий салон живописи. В каждой комнате были представлены различные экспозиции. Эдмон в качестве гида проводил экскурсии для своих друзей и давал пояснения в «Доме художника». В доме помещалась большая библиотека с книгами по искусству. Имелась крошечная мансарда - («чердак»), которую очень любил Жюль Гонкур. Он сам ее оформил еще при жизни, а Эдмон бережно хранил этот интерьер. Именно здесь, в доме Эдмона Гонкура, на его знаменитом «чердаке», после смерти Флобера еженедельно с 1885 г. стало собираться литературное общество. Там бывали Золя, Доде, Гюисманс, братья Рони, Малларме, Алексис, Сепар и Энник, Мирбо и Баррес, Абель Эрман и Монтескью и многие другие писатели – и натуралисты, и символисты [5, с. 44].

Утонченный эстетизм Гонкуров, их стилистические и языковые приемы, в целом – стиль Гонкуров оказал сильнейшее влияние на многих писателей рубежа XIX-XX вв. Большую роль в созданной Гонкурами новой формуле романа, в которую они внесли особую виртуозность и живописность, играет их язык. По мнению одного из критиков, постоянная погоня за точным определением («le mot qui peint») придает иногда вычурность и искусственность прозе Гонкуров. Но там, где они не впадают в крайность, артистическая отделка их языка создает поразительные эффекты [2, с. 186].

«Дневник» братьев Гонкуров полон размышлений об искусстве. Но при этом Гонкуры не оставили, в отличие от Золя, никакого специального трактата, который мог бы считаться их эстетическим манифестом. Как справедливо считает В.Шор, «Дневник» с успехом заменяет его [1, с. 24].

Эдмон Гонкур умер в 1896 году по его завещанию, составленному в соответствии с желанием Жюль, все состояние братьев предназначалось в фонд ежегодных премий в пять тысяч франков за лучшее художественное произведение в прозе. Премии должно было присуждать общество литераторов из десяти человек. В 1903 году Академия Гонкуров была создана.

Сегодня Гонкуровская премия – одна из высших литературных наград во Франции. Тем самым имя братьев Гонкуров в наши дни пережило сами их произведения. Гонкуровская премия как бы воплощает в себе признание лучших сторон художественной манеры писателей – глубину психологического анализа, мастерство живописного описания, выразительность стиля. Именно эти творческие особенности братьев Гонкуров и обогатила художественную традицию французской прозы второй половины XIX века.

Источники и литература:

1. Шор В. Братья Гонкуры и их «Дневник» / В. Шор // Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 1. – С. 3-32.
2. Венгерова З. А. Гонкуры / З. А. Венгерова // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона : т. 17. – СПб. : Тип. Эфрона, 1894. – С. 185-186.
3. Bannour W. Les bichons / W. Bannour // Magazine littéraire : Les frères Goncourt. – P., 1989. – № 269. – P. 34-35.
4. Punal R. Goncourt / R. Punal // Laffont-Bompiani. Dictionnaire encyclopédique de littérature française. – P. : Robert Laffont, 1999. – P. 416-417.
5. Roudot J. Le livre d'une maison / J. Roudot // Magazine littéraire : Les frères Goncourt. – P., 1989. – № 269. – P. 41-44.
6. Потапова З. М. Натурализм. Братья Гонкуры / З. М. Потапова // История французской литературы : в 4 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1959. – Т. III. – С. 106-132.
7. Гонкуры Э. и Ж. де. Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 2. – 751 с.
8. Лейбович С. Комментарии / С. Лейбович // Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 2. – С. 637-700.
9. Гонкуры Э. и Ж. де. Дневник : записки литературной жизни : в 2 т. / Эдмон и Жюль де Гонкуры. – М. : Худож. лит., 1964. – Т. 1. – 712 с.

Александрова О.Н.

УДК 821.14'04.09:398.2

ГЕОРГИЙ ГЕМИСТ ПЛИФОН И НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ВИЗАНТИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

В статье, на фоне развития национального вопроса в последние годы существования Византийского государства, рассматривается политическая, литературная и религиозная деятельность знаменитого византийского политического деятеля-реформатора, писателя и религиозного философа-утописта Георгия Гемиста Плифона, которого иногда называют Плетоном (греч. Γεώργιος Πλήθων Γεμιστός, лат. Georgius Gemistus Pletho, 1355-ок.1450).

Увлечение философией Платона (428-347 гг до н.э.) и пристальный интерес Георгия Гемиста к его социальной утопии привели не только к основанию им в Италии Платоновской Академии, но и к тому, что прозвище «Плифón» (т.е. платоник, философ, придерживающийся философской концепции неоплатонизма) стало частью его собственного имени: «Именно этот 83-летний старец, эмигрировав из Византии во Флоренцию и привезя туда свой архив, основал там на деньги банкиров Медичи «Платоновскую Академию», которую правильнее было бы назвать Плифоновской» [1].

Плифон жил в последние годы существования Византийской империи, принимал активное участие в разработке политических и религиозных реформ, которые должны были спасти государство от окончательного уничтожения. Под влиянием «Законов» Платона он пишет свой вариант социальной утопии – «Кодекс Законов» («Νόμων ἀναγραφή»), в котором (на материале философии платонизма, стоицизма, переосмысления традиций византийской и европейской философии и даже используя элементы зороастризма и ислама) настаивает на необходимости проведения экономических и политических реформ.

Целью статьи является рассмотрение влияния Плифона на развитие национального вопроса в Византийской империи, а также выяснение наиболее интересных политических и религиозных аспектов плифоновской утопии.

В наше время во всем мире наблюдается всплеск интереса к утопической литературе, что дает толчок к повсеместному изучению проблемы идеального государства. В этом и состоит **актуальность** статьи. В настоящее время в отечественном литературоведении прослеживается повышенное внимание к истории, литературе и философии Византии, что позволяет приступить к повсеместному изучению византийского наследия, так сильно повлиявшего на становление государственности и культуры не только Киевской Руси, но и Российской империи и даже Советского Союза.

Выяснение генетических связей современных утопических произведений с идеями философов и писателей прошлых эпох имеет важное значение для изучения греческой литературы. **Научная новизна**